

*
Выход в город

Константин Михайлов. Пустота не так пуста, как кажется

Константин Михайлов

ПУСТОТА НЕ ТАК ПУСТА,
КАК КАЖЕТСЯ

XX век стал первым в истории России периодом сознательного уничтожения ее культурно-исторического наследия. К «обычным» факторам, угрожающим памятникам старины — бескультурью властей и граждан, экономическим проблемам, военным действиям и стихийным бедствиям — добавились новые: политические императивы и взаимосвязанный с ними культ творчества, безжалостного к традициям.

«Новую Москву» в XX веке принимались строить не раз — при Сталине, при Хрущеве. Фактически это же происходит и в наши дни, и соотношение ценностей прошлого и современности в умах градоначальников и архитекторов изменилось не значительно. Не зря же Ю.М.Лужков печатно утверждал, что в московской культуре копия имеет не меньший смысл и значение, чем оригинал. «Копии» строятся сегодня, это продукты новой московской реальности. А «оригиналы» — наследие прошлого. Его уже не называют, конечно, мрачным и рабским, как семьдесят лет назад. Но от этого не легче, потому что оригиналов всё меньше.

Проблема только в том, что «копии» не оригинальны. Их можно тиражировать до бесконечности. А полнота, разнообразие и прочность основ любой национальной культуры измеряются наличием оригиналов. Того, что не спутаешь, не подменишь и не купишь на строительном рынке. Того, что является для страны и ее народа существенным, аутентичным и подлинным. Именно поэтому во все времена и у всех народов оригиналы ценились выше подделок. А шедевры — выше поделок.

О ПОЛЬЗЕ РАЗГЛЯДЫВАНИЯ СТАРИННЫХ ФОТОГРАФИЙ

Москва не хуже, чем стакан, годится для иллюстрации общеизвестного парадокса о пессимисте и оптимисте. Этот город наполовину пуст или наполовину полон? Вопрос не из легких.

Кремль. Храм Василия Блаженного. Новодевичий монастырь. Церковь Вознесения в Коломенском. Храм Покрова в Филях. Меншикова башня. Пашков дом. Донской монастырь. Церковь Воскресения в Кадашах. Все цело. Стоит. И будет радовать, смею надеяться, наших внуков. Я перечисляю то, что сам нежно люблю. У каждого, наверное, в душе свой рейтинг московских шедевров.

Сухарева башня. Красные ворота. Симонов монастырь. Церковь Николая Большой Крест. Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле. Там же — собор Спаса на Бору. Стены и башни Китай-города. Церковь Успения на Покровке. Храм Иоасафа Царевича в Измайлове. Церковь Николая в Столпах... Всего погибшего в Москве — жалко. Но этого — жаль безмерно. Это шедевры (опять же, на мой личный взгляд) первого ряда. Они украсили бы любую из европейских столиц.

Даже глядя на фотографии, можно прочувствовать, ощутить то впечатление величественности и очарования, которое дарили обитателям окрестных пространств эти знаменитые московские здания. Слава не возникает на пустом месте, легенды не рождаются по указке свыше.

Глядя на старые фотографии, я когда-то понял, что нельзя верить расхожим фразам из учебников: об отсталости русской культуры, о том, что Россия всю свою историю только тем и была занята, что кого-то догоняла, у кого-то училась, у кого-то что-то перенимала. Весь этот мыслительный хлам, который и доньне с многозначительным видом изрекают иные историки и публицисты, не выдерживает сопоставления с одной-единственной фотографией церкви Николая Большой Крест или Сухаревой башни. В темной и суеверной стране такого никогда не создадут.

И всю эту веками создаваемую, приумножаемую и оберегаемую красоту и славу в Москве разрушили, причем — в это даже трудно поверить — за какие-то десять лет, с 1927 по 1936 год. Всего десять лет из тысячелетней московской истории — и город изменился в лице.

С тех пор прошло еще около восьмидесяти лет, и город переменялся в лице еще не раз. В наши дни на него натягивают новую кар-

навальную маску — псевдоисторической декорации с бетонными стенами под узорочными наличниками. Слава Богу, шедевры пока не трогают. В сталинской Москве их тоже не трогали — до поры до времени...

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ

Позволю себе лирическое отступление. Расскажу, как я впервые усомнился в советской власти. Дело было еще в школе, тридцать лет тому назад. Я прочитал... нет, не самиздат про сталинские лагеря. В одном журнале я прочитал статью о снесенных архитектурных шедеврах Москвы. С картинками. Статья была по нынешним временам совершенно безобидная, без выводов, без обобщений, без документальных разоблачений. Но до сих пор удивительно, как ее тогда пропустила цензура. Потому что и без обобщений и разоблачений впечатление было страшное. Как? Вот это — разрушено советской властью и советскими гражданами? Не варварами, не иноземными оккупантами, не диверсантами, не стихийным бедствием? Разрушено не по случайности, не по оплошности, не под дулом пистолета у виска, а совершенно сознательно, обдуманно и даже радостно и с воодушевлением? Разрушено теми самыми людьми, чьими подвигами и достижениями нас учат в школе гордиться, чьими наследниками и продолжателями мы привыкли себя считать?

Привычный советский мир рухнул чуть ли не в одночасье. Вот тогда впервые зашевелился во мне червь сомнения. Вот тогда все и началось: и горечь, и боль, и горячее желание разузнать о погибших шедеврах как можно больше, и воскресить их хотя бы в собственном воображении, и рассказать об этом другим, и воздать дань благодарной памяти им самим и их создателям, и их защитникам...

Но все же и по прошествии стольких лет, и по прочтении сотен книг, статей и архивных документов об истории разрушения памятников отечественной культуры в XX столетии — многое объясняющих, на многое открывающих глаза — с утратами шедевров невозможно примириться. И невозможно объяснить их какими-либо логическими, рациональными причинами.

О ПОЛЬЗЕ СРАВНЕНИЯ ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ

Среди ревнителей московской старины до сих пор жива одна легенда. Смысл ее в том, что якобы в начале 1930-х годов ведущих реставраторов и ученых вызвали в Моссовет и попросили составить список лучших, самых ценных архитектурных памятников Москвы. На вопрос — зачем? — объясняли: чтобы не затронуть, чтобы обязательно сохранить их при начинающейся реконструкции города. Реставраторы и ученые составили такие списки и передали их в Моссовет, обрадованные заботой властей об историческом наследии. А когда реконструкция Москвы набрала ход, ученые и реставраторы с ужасом осознали, что шедевры уничтожают один за другим — аккуратно по составленному ими списку...

Правда это или нет, вероятно, уже нельзя дознаться. Но для нас это в данном случае и не важно. Легенда часто бывает правдивее действительности. Потому что лучше передает смысл происходящего.

История борьбы тогдашних защитников старой Москвы против уничтожения ее шедевров, позволю себе заметить, несколько однообразна. Меняются даты и фамилии, но развитие сюжета, не говоря уже о финале, в общем, одно и то же.

Объект (Сухарева башня, Китайгородская стена, Симонов монастырь, далее по списку) занесен во все мыслимые и немыслимые перечни памятников. Его изучают, устраивают к нему экскурсии, реставрируют, музеефицируют, рисуют перспективы развития. Маститые корифеи реставрации и искусствоведения публикуют о нем статьи и книги, не забывая восхвалить советскую власть, при которой впервые стали возможными и общественно востребованными реставрация, изучение объекта или открытие в нем музея. Видный историк Москвы Петр Сытин пишет в 1926 году: «Сухарева башня в течение двухсот лет прозябала. Ныне Советская власть возвратила ее к жизни в полном смысле этого слова, не только обновив капитальным ремонтом ее одряхлевшие члены, но и вдунув в нее живую душу». До сноса Сухаревой башни советской властью оставалось восемь лет...

Так вот, до поры до времени ничто не предвещает грозы. И вдруг в вечерней газете или в речи какого-нибудь второстепенного хозяйственника впервые звучит: надо снести. Снести, чтобы улучшить уличное движение, или улучшить городской вид, или расчистить

место для постройки чего-нибудь крайне необходимого пролетарской столице.

Корифеи улыбаются. Надо же, какие встречаются еще у нас неграмотные и недальновидные хозяйственные деятели. Не понимают, что городские проблемы всегда можно решить, не уничтожая памятников старины. Корифеи сочиняют для газет снисходительные реплики. И.Э.Грабарь пишет о проекте сноса Сухаревой башни: «На этих днях выплыл один, особенно неприемлемый по своей явной нелепости: проект сноса Сухаревой башни. Не пугайтесь, читатель, не более не менее как Сухаревой башни! При этом не в шутку, а всерьез. Вы допускаете, чтобы в один прекрасный день вздумали уничтожить картину Рафаэля, рукопись Бетховена или Гете?»

Дело затухает на время, иногда на несколько лет — и вдруг! — на стол корифеям, заседающим в ученых комиссиях, ложится бумага с гербом. По решению Моссовета! Снести! В целях упорядочения уличного движения!

Это уже всерьез. Ученые, эксперты и реставраторы бросаются в бой. Пишут жалобы во ВЦИК республики. Пишут письма Сталину. Приводят десятки исторических, культурных и художественных аргументов. Ссылаются на Ленина, приказавшего когда-то застеклить выбитое окно в кремлевской церкви. Убеждают власти, что все проблемы можно решить гораздо дешевле и проще, и ничего не надо ломать. Разрабатывают проекты организации движения транспорта, расширения улиц, подземных тоннелей, на худой конец — передвижки шедевра на соседний пустырь... И вдруг корифеи понимают, что разговаривают с пустотой. Пустота не понимает, о чем они с ней говорят. Они вопиют о художественной ценности, пустота — о расширении проездов или необходимых ей стройматериалах. Они умоляют пощадить древний храм — им отвечают: его надо снести, чтобы поставить на его месте киоск Мосгорсправки. Они просят сохранить другой храм — им отвечают: нельзя, из-за него деловой человек теряет драгоценные секунды, потому что сходит с тротуара на мостовую.

И наконец, товарищ Сталин — истина в последней инстанции и последняя надежда корифеев — отвечает им, что советские люди сумеют выстроить более величественные сооружения, нежели Сухарева башня.

Диалог с пустотой заканчивается. Шедевр взрывают или разбирают. Спустя некоторое время выясняется (и даже признается сами-

ми властями или их газетами), что жертва была напрасной. Уличное движение ничуть не улучшилось, расчищенный участок в центре города пустует затем десятки лет, киоск Мосгорсправки появляется совсем в другом месте. И тут пустота признается в ошибках. Она говорит: мы недодумали. Конечно, нельзя просто снести Красные ворота и думать, что все на площади наладится. Нет: надо снести еще соседнюю церковь Трех Святителей и дом, где родился Лермонтов — вот тогда все будет очень хорошо.

История повторяется.

Повторяются и ее закономерности. Пустота не принимает и не обсуждает рациональных контраргументов и альтернативных путей решения поставленных ею проблем. Пустота стремится к цели разрушения не мытьем так катаньем. Достигнув ее, она не успокаивается и ищет новые жертвы. Заявленные изначально цели и причины сноса шедевров пустота тут же забывает или заменяет другими. На месте Страстного монастыря так и не появляется никакого Дворца литературы. Участки храмов Николы Большой Крест и Успения на Покровке пустуют до наших дней. Шедевры заменяются пустырями. Действия пустоты на первый взгляд необъяснимы, безумны.

Но может быть, пустота не так пуста, как кажется? И не так уж безумна — просто об истинных целях своих предпочитает не говорить?

О ПОЛЬЗЕ ТЕОРИИ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

С тех пор, как старец Филофей, монах Спасо-Елеазарова монастыря, затерянного меж лесов и болот неподалеку от Пскова, сформулировал теорию «Москва — Третий

Рим, а Четвертому не бывать», наши соотечественники беспрестанно сопоставляют судьбы, образы и черты Рима, Константинополя и Москвы. Параллели, безусловно, прослеживаются. Это большая отдельная тема, и мы не будем сейчас в нее углубляться.

Удивительно вот что: прослеживая те или иные отдельные похожие черты устройства Второго и Третьего Римов, Константинополя и Москвы, историки поразительным образом проходят мимо сходства их исторической судьбы. Как известно, Константинополь был захвачен турками в 1453 году и превращен из столицы Византийской

империи в столицу империи Османской. Но объявить чужую столицу своей и действительно сделать ее таковой — совсем не одно и то же. Захваченный турками город был визуально чужим и чуждым. Всюду высились купола христианских храмов, кресты, мемориальные колонны императоров. Это была иная слава, иная история, иная философия, овеществленная в камне. И эти камни говорили. Туркам потребовалось почти полтора столетия, чтобы перекодировать захваченный город на свой манер. Напомним вкратце, что они для этого сделали.

Они закрыли почти все христианские церкви города. Вместо колокольного звона улицы и площади оглашали теперь крики муэдзинов. Главную святыню Константинополя — собор святой Софии — они превратили в мечеть, пристроили к ней минареты — так, чтобы храм и внешне напоминал мечеть. То же превращение пережили десятки больших и малых городских церквей и монастырей. Десятки храмов, стоявших на выигрышных местах, представлявших собою архитектурные доминанты города, были снесены до основания. На их месте выросли мечети. Колонны императоров были низвергнуты. Греческие названия улиц, площадей и районов города были заменены турецкими. И, наконец, само имя Константинополя было стерто с географических карт, уступив место Стамбулу.

А теперь, любезный читатель, давайте положим руку на сердце и спросим себя: нам это ничего не напоминает? Не наш ли город преобразовывали подобным образом из первопрестольного града Российской империи в столицу мирового коммунизма? С той, впрочем, разницей, что на перекодировку Москвы большевикам понадобилось не 150, а каких-нибудь 15-20 лет. Напомним вкратце, что они для этого сделали.

Они закрыли почти все православные церкви города. Особенно тщательно боролись с колокольным звоном — вместо него улицы и площади оглашали теперь бравурные марши и речи вождей из репродукторов. Главный храм города — храм Христа Спасителя — взорвали, чтобы построить на его месте исполинский символ нового коммунистического царства — Дворец Советов. Десятки церквей были перестроены до неузнаваемости — с них снимали кресты, сносили колокольни и главы, сбивали декор, отламывали апсиды — так, чтобы здание ничем уже не напоминало православный храм. Десятки других церквей и монастырей, стоявших на выигрышных местах,

представлявших собою архитектурные доминанты города, были снесены до основания. На их месте построены рабочие клубы, школы и другие источники «пролетарской культуры». В крайнем случае, если церковное здание не доходило руки снести, его отгораживали от улицы новой постройкой или сверху донизу занавешивали лозунгами. Монументы императоров были низвергнуты. Старинные названия улиц, площадей и районов были заменены советскими. Вот только городу не удалось дать новое имя: вопрос о переименовании Москвы в Сталинодар некоторое время обсуждался, но решение так и не было принято...

Параллель эта, как и любая другая, в какой-то мере условна. Москву в 1917 году не захватывали иноземные завоеватели. Но то, что к власти в стране пришли люди, желавшие построить в ней принципиально иную цивилизацию, вернее сказать, люди, желавшие пожертвовать оказавшейся в их власти страной для строительства нового коммунистического мира — сомнений в этом нет. Достаточно почитать документы 1920—1930-х годов о превращении Москвы в столицу мирового коммунизма и «центр мировой пролетарской революции».

В таком контексте судьба старинных московских шедевров, навязчивое стремление новой власти уничтожить их под любым предлогом, не слушая никаких аргументов, становятся абсолютно понятными. С точки зрения воплощения в архитектуре «красной Москвы» политических идей коммунизма Сухарева башня или Красные ворота, не говоря уже о величественных храмах, на видных городских площадях выглядят абсолютно неуместно. Им сначала предъявляют политические обвинения (Сухарева башня оказывается памятником реакционному полковнику, который зверски подавил стрелецкий бунт; Красные ворота — выражением верноподданнических вкусов реакционного купечества и т.п.), а затем уничтожают. Вспомним и довод, предъявленный в 1931 году при выборе места для символа новой коммунистической веры: «С идеологической стороны следует признать лучшим местом для постройки Дворца Советов храм Христа Спасителя».

И даже Кремль, сохраняемый, как архитектурный комплекс, новая власть все время норовила «нейтрализовать», подавить, лишить зрительного статуса архитектурной доминанты города. Отсюда беспрестанные проекты строительства новых циклопических зданий

по соседству с Кремлем — как осуществленные (Дом на набережной), так и, к счастью, несбывшиеся — Дворец Советов, высотный Дом Наркомтяжпрома в Зарядье, Пантеон на Красной площади, гигантская статуя Сталина на Сенатской башне Кремля, используемой в качестве постамента.

С эстетической точки зрения судьба шедевров оказывается опять-таки предрешенной. Похоже, что чем выразительнее, ярче и художественнее выглядел старинный памятник, тем меньше у него было шансов уцелеть. Своей красотой и изяществом он невольно «агитировал» за старый режим и, более того, резко контрастировал с убожеством большинства построек новой «пролетарской архитектуры». Природа не терпит пустоты, а пустота не терпит конкуренции.

Поэтому сносятся многие только что отреставрированные, сияющие обновленной красотой памятники архитектуры — с экономической точки зрения логики тут обнаружить нельзя. А с идеологической она несомненна. Вспомним Оруэлла: министерство правды переписывает и фальсифицирует старые газеты и фотографии, приводя их в соответствие с новой генеральной линией. Зачем? Чтобы не осталось первоисточников, чтобы не с чем было сравнить. Тоталитарная власть боится сравнений. Потому что сравнение — это всегда теоретическое допущение иной модели, иного пути, иной версии.

Кстати говоря, расправа с архитектурным наследием прошлого чем-то напоминает аналогичную «зачистку» в других сферах искусства и общественной жизни. С помощью политических и силовых аргументов «пролетарские» писатели, поэты, художники, философы, историки 1920—1930-х годов были постепенно избавлены от конкуренции со стороны настоящих философов, историков, художников и писателей.

Так что пустота, как мы видим, оказывается весьма содержательной. У нее была строительная программа, которая требовала предварительной программы разрушения. Об этом пустота оставила наглядные документальные свидетельства — стройку Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя, Дворец культуры Завода имени Сталина на месте Симонова монастыря. И пустыри на месте других прославленных шедевров.

Подлинники, оригиналы — а это и есть памятники старины — ценны не только архитектурными достоинствами или мемориаль-

ными воспоминаниями. Подлинники есть вещественные доказательства исторического существования и развития нации. Связь времен, преемственность поколений, обязанность сохранять и передать по эстафете историческое наследие и прочие возвышенные слова перестают быть абстракциями и пустыми лозунгами, если мы можем прикоснуться к стене храма или дома, будучи уверены, что к этой самой стене могли прикоснуться наши прапрадеды. И тот же самый узорочный наличник радовал их глаз своими упругими формами. А если под этим наличником мы обнаружим монолитный бетон — все высокие слова превращаются в бессмыслицу, в обман, в нигилизм, отрицающий все подлинные ценности.

Уничтожение архитектурных и исторических подлинников прошлого — в Москве и по всей России — примерно та же операция, которая осуществляется ныне в отечественной историографии с помощью т.н. «школы Фоменко». Ярослав Мудрый равен Батыю, Новгород — Ярославлю, московский царь — египетскому фараону. Монолитный бетон уравнивает палаты XVII века с офисом конца века XX, мемориальный дом драматурга Сухово-Кобылина с его вновь выстроенной копией, новодельный храм Христа Спасителя с настоящим. Подлинной истории не было. Подлинная история не нужна. История пишется, делается и строится заново. На наших глазах. С чистого листа. Важен и действителен только сегодняшний день, прожитый под мудрым и эффективным руководством сегодняшней власти.

Вот почему так упоительна в России охрана памятников старины. Вот почему в ней нельзя не участвовать, несмотря на численное и административное преимущество оппонентов. Здесь, может быть, тот же принцип, что был когда-то в олимпийском движении: главное — участие. Главное, на чьей ты был стороне.

С ломом — или против лома.

НЕ РИМ

Однажды я, наверное, в сотый раз смотрел фильм «Римские каникулы», и оттого больше следил не за Одри Хепберн с Грегори Пеком, а за декорациями, на фоне которых разыгрывалась их трогательная история. На экране сменяли друг друга фонтан Треви, замок Ангела,

собор Святого Петра, Капитолийский холм, Испанская лестница, набережные Тибра, пьядца дель Пополо... И вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, ведь этому фильму лет пятьдесят, а Рим в нем все тот же. Ну разве что изменились марки автомашин, покрой одежды и стиль вывесок, туристов стало заметно больше на улицах. Но город не меняет лица. Ни небоскребов в центре, ни офисов из стекла и бетона.

Повезло римлянам? Конечно. Но можно сказать и по-другому: Риму повезло с римлянами, они его берегут и любят. Линий метро, кстати, в столичном городе Риме всего две, с одной пересадочной станцией. Боятся они, видите ли, подкапываться под свои древности.

А Москва? Ей же тоже под тысячу лет, и мы должны ее ценить и охранять не менее чем итальянцы — Рим или французы — Париж. Но, если бы нас забросили на полвека в прошлое, мы, боюсь, свой город узнали бы с трудом. А если лет на восемьдесят, то вообще не поняли бы, где оказались. И проходя мимо десятков красивых, но не знакомых храмов, мимо классических дворцов с белоснежными портиками, мимо парадных триумфальных ворот, мимо средневековых крепостных стен, спрашивали бы себя: «Это — Москва?»

Это — Москва. Только не та, которую мы знаем с детства. Это была настоящая Москва. Старинная, белокаменная, «первопрестольная», легендарная Москва, которая дожила до середины 1920-х. А потом ее начали крушить во имя светлого будущего.

И продолжают крушить до сих пор. Представления о светлом будущем изменяются от эпохи к эпохе, а вот жертвы, ему приносимые — все те же: памятники московской старины. Историческое наследие, которым в Европе, не говоря уж об Америке, гордятся, которое оберегают, восстанавливают, приспособливают к новым жизненным функциям — в России уничтожают с бездумной легкостью. Территория исторической Москвы в границах XVIII века занимает семь процентов от современной, но именно на этих семи процентах продолжается бесконечная и безжалостная «реконструкция». Не зря же нынешние «отцы города» нас поучают: Москва — не Рим. Это точно. Уже — не Рим.

Почему я описываю только разрушения, случившиеся после 1917 года? Безусловно, старые дома и даже храмы разбирали в Москве задолго до революции. Причины этого были разнообразны — ветхость построек, невежество их хозяев, желание следовать архитектурной моде, новые эстетические воззрения, наконец, не

развившиеся еще представления о памятниках старины и необходимости их сохранения. Но никогда старую Москву не разрушали именно за то, что она старая. Ни один монарх или градоначальник не призывал соотечественников отряхнуть прах старого мира со своих ног или выбросить на свалку истории «остатки рабского прошлого». Ни при каких обстоятельствах памятники старины не воспринимались властями как участники политической борьбы, а их защитники — как идеологические противники. Все это началось именно в советское время. И, к сожалению, не закончилось.

ПОЧЕМУ ЖЕ ОНА МЕШАЛА?

В советское время Москве не повезло. Столицей мирового коммунизма, столицей великой державы, транзитным пассажирским узлом, большим распределителем, где относительно доступен прилавок — чем угодно была она для миллионов людей, но не историческим городом, чьи облик и красоты нужно было беречь как зеницу ока. Увы, Москва сразу стала полигоном для политических, социальных и архитектурных экспериментов, опытной стройплощадкой для разнообразных новаторов, со смехом отбросивших в сторону, например, разработанный группой интеллигентов-академиков во главе с А.В. Щусевым план «Новой Москвы» (1924), который предлагал разумные и перспективные пути ее развития, но оберегал архитектурные сокровища. И что академики, профессионалы архитектуры и градостроительства, услышали о своем плане? «Детище части старой интеллигенции, еще не успевшей перевариться в советском котле».

Цифры столичного архитектурного мартиролога, они же сводки потерь — воистину скорбны. С 1917 по 1941 год столица потеряла половину своих историко-архитектурных памятников. Это данные специальной комиссии тогдашней Академии архитектуры. Одних церквей в нынешних московских границах, по подсчетам краеведов, с 1917 по 1989 год погибло 368, и это только те, которые были полностью разрушены. Представьте воочию: триста шестьдесят восемь храмов. Что там Рим... По самым скромным подсчетам, в советское время в Москве разрушено около 700 памятников архитектуры и около 3 тысяч зданий исторической застройки. Согласно официальным данным, в 1950—1980-е годы в Москве было снесено 2200 историче-

ски ценных зданий, в том числе с 1976 года — 805. В 1976-1990 годах Комиссия по вопросам сохранения зданий в исторических районах Москвы рассматривала вопрос о сносе 2575 зданий, разрешила снос 1360 — эти цифры свидетельствуют о размахе реконструкции последних советских десятилетий. Счет исторических потерь последней четверти века также идет на сотни...

Нет в советской истории Москвы ни одного года, когда бы на ее старину успешно не покушались. Кремль, центральные улицы, окраинные монастыри, дворянские гнезда, приходские церквушки, крепостные стены — все это раз за разом подвергалось атакам «новой жизни». На знаменах этих атак написаны были разные слова, но победный клич почти всегда был один и тот же: «Нет той старины, которая нам мешала переделывать Москву старую в Москву социалистическую» (слова одного из ораторов на I съезде советских писателей в 1934 году).

Почему же она мешала? И кому?

«ВСЕМ ВСЕ БЫЛО ЯСНО, ЧТО БЫЛО УДИВИТЕЛЬНО»

Спорить с постулатами «живой город — не музей», «надо о людях думать, а не о камнях» — бессмысленно, дискуссию нельзя вести на почве демагогии. Что есть на первый взгляд «реконструкция Москвы» в советское время? Не что иное, как непрестанное удовлетворение растущих appetитов неразлучной троицы ненасытных птенцов городского организма, пожирающих ресурсы и средства, пространство и время с невероятной скоростью. Имена тех птенцов — Промышленность, Транспорт, Жилье.

Краткий экскурс в области, далекие от архитектуры, надеюсь, позволит нам лучше понять судьбу ее великолепных детищ, оказавшихся в советской Москве ненужными и убогими сиротками. Какие только предприятия не возникли на экономической карте Москвы в XX веке! А с чего бы это в городе, исторически (т.е. естественно-экономически) развивавшемся как центр торговли, культуры и легкой промышленности, стали вдруг в советское время выплавлять сталь, перерабатывать нефть и развивать «большую химию»?

«Мы из Москвы «ситцевой» строили Москву индустриальную», — отвечает нам в своих воспоминаниях советский лидер Никита Хрущев. Вероятно, планы экономического развития страны того требо-

вали? Но Хрущев продолжает: «Тут вопрос связывался еще и с тем, что «ситцевая» Москва, мол, порождает правые настроения, и что отражали идеологию «ситцевой» Москвы Угланов, Уханов и другие оппозиционеры». Хрущеву приходится доверять — он и Москвой руководил, и страной, планы партии и правительства не из газет узнавал. Оказывается, Москва стала промышленным гигантом в силу идеологической химеры.

Нетрудно догадаться, что десяткам новых предприятий нужны рабочие, десяткам управляющих ими наркоматов, главков, трестов и прочих контор нужны служащие, а пролетарии и клерки нуждаются в крыше над головой. Здравствуйте, товарищ жилищный кризис?

Конечно, дореволюционная Москва не напоминала рай божий на земле — ночлежки, притоны, рабочие казармы, бараки ее не красили. Но радикальное преобразование «ситцевой» Москвы сделало жилищную проблему хронической. Ее пытались лечить строительством нового жилья, но... странное дело, некоторые бараки и «клоповники» благополучно дожили до наших дней, а взрывчатку закладывали под храмы. Добиваясь их сноса, доказывали с пеной у рта, как храмовый участок жизненно необходим городу для нового строительства — а после взрыва оставляли на десятилетия пустырь... Где логика?

Жилищной проблемы в целом социалистическая реконструкция 1930-х годов не решила. Москвичи жили в бараках вплоть до хрущевских пятиэтажек, которые возводились за пределами старого города. Что же касается конкретных благ, которые несла трудящимся реконструкция Москвы в самый ее разгар, задумаемся над словами бакинского архитектора С.А. Дадашева, прозвучавшими в 1940 году на пленуме Союза советских архитекторов: «В Москве существует специальное постановление, в силу которого можно выселять граждан без предоставления им жилой площади, с определенной денежной компенсацией, а мы в Баку такого положения не имеем». Это означает — открытым текстом — что москвичей реконструкция выбрасывала на улицу.

Концепции московских реконструкций разрабатывали не столько специалисты, сколько вожди. Об уровне обсуждения Генерального плана Москвы 1930-х годов «в верхах» мы можем судить по воспоминаниям архитектора Кольмана, члена комиссии по его разработке, пред-

ставшего в числе многочисленной «архитектурной команды» перед очами вождей на специальном совещании в ЦК ВКП (б) 14 июля 1934 года: «Наш проект был заранее роздан, Каганович лишь очень сжато доложил об основных принципах плана... Сталин спросил, есть ли вопросы, но никаких вопросов не было. Всем все было ясно, что было удивительно, так как при громадной сложности проблем нам, членам комиссии, проработавшим не один месяц, далеко не все было ясно...»

Сталин одобрил проект. Как говорил в те времена Каганович, «план, подписанный товарищем Сталиным, не может быть не выполнен». Оказалось, слава богу, что может. Если бы он был выполнен полностью — от старой Москвы вообще ничего не осталось бы. Только Кремль в окружении новых исполинов. Но и частичное его исполнение обошлось Москве необычайно дорого.

Что же касается транспорта — понятно, что искусственное промышленное развитие и стимулированный им неестественно быстрый рост населения не могли не усугубить проблем городских коммуникаций. Самые великолепные памятники Москвы — Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка у Тверской заставы и многие другие — были уничтожены под предлогом улучшения уличного движения, хотя в каждом конкретном случае архитекторы-профессионалы находили компромиссное решение транспортных проблем, позволявшее сохранить памятник. Сносить целые кварталы для расширения улиц в советской Москве продолжали «до последнего», попытка достроить «третье кольцо» в 1986 году уничтожила несколько кварталов Немецкой слободы и едва не погубила Лефортово...

Так что же — памятники уничтожила топорная по исполнению, но все же необходимая Москве реконструкция? Ответ ожидаемый, но наивный. Чем мешали преобразованию города монастыри и церкви, взорванные в сохранявшемся как архитектурный комплекс Кремле? Какая нужда была все-таки в сносе великолепных храмов, если на их месте до сих пор пустыри с чахлыми сквериками? Почему Дворец культуры Завода имени Сталина нужно было обязательно построить на месте взорванного Симонова монастыря, а не рядом с ним? И что общего с реконструкцией города имел снос колоколен и куполов, если их изуродованные здания продолжали занимать площадь, без которой город якобы задыхался? Нет, глубже таятся причины московской гибели.

СОБЛАЗН АТЕИЗМА

Воинствующие безбожники порушили в Москве очень много. Две яростные волны борьбы с религией (в начале 1930-х и в начале 1960-х) унесли не один десяток храмов. Обнаруживая в довоенных атеистических журналах откровения вроде «Художественные музеи-храмы, монастыри в большинстве случаев являются своеобразными очагами религиозных настроений» или характеристику чудом не сданной тогда в металлолом часовни — памятника героям Плевны у Ильинских ворот: «поповская мерзость», понимаешь, например, почему в 1930 году рабочие Пролетарского района Москвы ходили на воскресники разбирать руины Симонова монастыря под лозунгом «Построим на месте очага мракобесия очаг пролетарской культуры!»

Но на воинствующих безбожников возложить всю вину за гибель старой Москвы невозможно. К концу 1930-х кавалеристы-атеисты несколько утомонились, а после войны, в ходе которой государству пришлось «помириться» с церковью, о них и вовсе на время позабыли. Но ломка старого города продолжалась столь же активно. К тому же не щадили и светские памятники — Китайскую стену, Сухареву башню, палаты Голицына. Значит, дело не в атеистах.

ПОЭМА В КРАСНЫХ ЛИНИЯХ

Москва до сего недавнего времени фактически жила по генплану 1935 года, перечеркнувшему реальную старую Москву. Оттуда, из 1935-го, и все основные магистрали, и «третье кольцо», и следующие «кольца». Генплану 1935 года самое точное имя — поэма, на книжной полке стоять бы ему в одном ряду с «Утопией» и «Городом Солнца». Проспекты, площади, залитые солнцем пространства — нет, невыразимо это словами. Даже сквозь официальные строки постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане Москвы прорывается этот горделивый и всесокрушающий пафос: «...чтобы строительство в столице СССР и архитектурное оформление столицы полностью отражали величие и красоту социалистической эпохи». Не для обывателя, не для обычного человека предназначался этот город. Вспомним фразочку Кагановича, стоившую жизни Вос-

кресенским воротам и едва не смахнувшую Василия Блаженного: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь». Город — вечный праздник, город — арена для торжествующих шествий, коммунистический храм с исполинским алтарем — Дворцом Советов — вот что такое сталинский генплан 1935 года.

Подробности очаровывают и ужасают одновременно. Проспекты шириною в 60 метров на месте старинных улиц. Стометровая статуя Ленина на 315-метровой высоте. Площадь размером в 45 гектаров. Утопии помешали война и нехватка средств. До созидания, как водится, не дошло, зато разрушители порезвились на славу.

Пропагандисты 1930-х исписали, наверное, миллионы страниц на тему, каким убогим и провинциальным городишком была Москва до 1917 года, каким сверкающим городом станет она теперь, когда коммунистическая власть взялась за нее со своим генеральным планом 1935 года, как Москва преобразится, расцветет и настанет в ней жизнь совсем хорошая.

Заметим, кстати, что таков же лейтмотив пропагандистов нынешней «реконструкции Москвы», как будто они в юности конспектировали Кагановича. Все то же: в начале 1990-х, на заре «эпохи Лужкова», Москва была грязным, обшарпанным, допотопным, разваливающимся городом, а вот теперь она — европейская столица со сверкающими витринами, сияющими куполами, широкими улицами... И без десятков исторических зданий, погибших ради удовлетворения хозяйственных и творческих амбиций властей и инвесторов, добавим мы. Но дело даже не в этом, а в общей философии «реконструкторов»: подлинная история начинается с них, до них царствуют мрак и тьма. Но они — носители преобразовательного огня — приносят лучи света в темное царство, и разворачивается титаническая борьба за переустройство негодного (все равно чего — государства, города, района). А после них приходится подсчитывать общественные потери (в том числе и культурного наследия) — в общем, считать раны, товарищей считать. Но тут приходят новые хранители преобразовательного огня, и сказка начинается сначала...

